

РЕПОРТАЖ

ПО ТУ СТОРОНУ СЦЕНЫ

РЕПОРТАЖ

В 19.00 помощник режиссера Зинаида Родионова подала сигнал. Тяжелый занавес дрогнул и пополз к порталам. Я остался за кулисами театра. По ту сторону сцены.

Старший рабочий В. Ульзутуев и рабочий Н. Шербаков устанавливают декорации.

Театр вблизи

В БЛИЗИ театр вызывает разноречивые чувства. Даже не поймешь, что больше — разочарование или восторг. Красавица-актриса, на которую смотришь с божественным трепетом из зала, здесь — вполне земное существо. Только жирно подведены брови и ресницы ломаются от краски. А легкий современный стол — на деле оказывается грубо сколоченным из фанеры. Дорогие ковры — не что иное, как разрисованная материя...

Итак, в 19.00 я оказался за кулисами Читинского областного драматического театра. Жизнь на сцене не замедляет ни на секунду. Зритель обычно видит часть сцены, называемую по-театральному «зеркалом». Остальное скрыто от его проницательных глаз. А сцена — огромна. По своим размерам даже больше зрительного зала. Для сравнения: высота зала — 7 метров, а сцены — больше двенадцати, по глубине — зал и сцена одинаковы.

Первыми за кулисы приходят монтажники. Они «готовят» сцену к спектаклю: расставляют мебель, укрепляют декорации. На специальных штативах спускают то часть стены, то сад, а то и сказочный дворец. За всеми приготовлениями внимательно следит заведующий постановочной частью Сергей Скибицкий.

Появляются осветители. «Софиты» то загораются, то гаснут. У пульта командует помощник режиссера. Идет так называемая разводка сцены. Все должно быть проверено, опробовано. Не дай бог, если что-нибудь не сработает во время действия. Но такого здесь почти не помнят.

Все готово к спектаклю. Теперь черед актеров. Загримированные и одетые артисты ожидают начала спектакля. Они еще наполовину персонажи. Героями, волевыми и жалкими, тихими и разухабистыми, они будут на сцене. Пока же это обыкновенные люди с обычными человеческими слабостями. Один рассказывает неслыхаемые рыбацкие похождения, другой внимательно изучает старую «Неделю» и еще уверяет, что у него свежий номер.

Когда начинается спектакль, артист преобразуется. За его метаморфозой невозможно уследить. Во время спектакля (шла пьеса А. Афиногенова «Волчий троп») я следил за Антониной Николаевной Крупновой, заслуженной артисткой РСФСР. Перед каждым выходом она долго настраивается. Взгляд — отрешенный. Беззвучно двигаются губы. Она вся в себе. Но миг — и уже добрая, просто-

душная домработница Даша по-стариковски суетливо трусит на сцену.

— Занавес!

Спектакль идет

Т ЕПЕРЬ — вся власть у помощника режиссера, ведущего спектакль. Перед ним пульт с кнопками, рычагами, рычажками. «Ребята, уберите свет справа», — шепчет Зинаида Родионова в микрофон. Несколько секунд — в ее руках колокольчик. По ходу действия — зазвонит телефон. Потом она имитирует стук в дверь.

На сцене, кроме ведущего, рабочие. Происходящее на сцене сейчас их меньше всего интересует. Они видели пьесу десятки раз и знают чуть ли не все роли наизусть. Они дремлют. Ох уж, этот сон! Однажды, полагая, что до смены картин еще далеко, один из них прилег отдохнуть. И уснул. Повернули круг — зрители увидели спящего. Актеры не растерялись. Разбудили его, выпроводили за кулисы и хладнокровно, будто ничего не произошло, начали сцену...

Зритель поглощен спектаклем. А в подсобных помещениях идет интенсивная работа. Приготовлены костюмы — в театре целая мастерская. Всегда на страже — дежурный парикмахер. Сегодня «смена» Татьяны Федоровны Таракановской. Вот

Ученица гримерного цеха Люба Ковалева поправляет прическу артистке Кольцовой перед ее выходом на сцену.

уже одиннадцать лет она готовит парики, бороды, усы. В маленькой комнатке, театральной парикмахерской, коробки с надписями. «Проспект», «Петровка», «Угрюм». Здесь хранятся парики для всех спектаклей. При этом каждому артисту готовится свой, индивидуальный парик. Подбираются накладные, усы, бороды, косы. Самые лучшие парики — из шерсти буйвола. Есть спектакли «чистые», где парики почти не требуются. А вот в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», которую готовит театр, без них не обойтись...

За несколько минут до окончания действия сцена оживает.

Антракт

С ОНЛИВОСТИ как не бывало! Бегают рабочие, стучат молотки, мелькают веники. Впереди считанные минуты, а надо сменить десятки вещей. За мгновение все поправлено, все готово. Зрители даже не подозревают, как напряжены эти минуты. А если «сидячий антракт», когда идет смена картин, — время отмеряется секундами. Тут только успевай. Надо открывать занавес, нетерпеливые зрители хлопают в ладоши, а тут не могут закрепить штору. Суетятся рабочие, нервничает

актриса, а ей сейчас выходить. Наконец, злополучная штора повешена. Поправлен ковер, подметено разбитое стекло. Расставлены бутылки с «водкой».

Артисты ждут звонка. «Занавес!» Ритм за сценой резко падает.

Конец

С ОШЛИСЬ половины занавеса. В зале — аплодисменты. Только теперь замечаешь, как устали артисты. Но занавес бежит взад-вперед, и артисты, как ни в чем не бывало, выходят еще и еще, улыбаются зрителям...

Занавес застыл, опустел зрительный зал. В артистических уборных начинается «демонтак». Снимаются парики, отклеиваются бороды. Костюмы перекачиваются на плечики. В костюмерной их почистят, погладят, если надо — подрастваривают. Пройдет Хандрин куском ваты стирает с лица «оспинки». В зеркале — утомленная улыбка артиста Бориса Николаевича Нюгофа. Кстати, и режиссера этого спектакля. А рядом снял парик — Саша Смирнов — и нет простовато восторженного Илюша Слехова...

Почти три часа идет спектакль, и эти три часа на сцене, за кулисами не прекращается напряженная работа. Сегодня немного затаили.

— Эх, опоздал на «Велюне чудовище», — сокрушается кто-то и бредет умываться.

В. ГАЛАКТИОНОВ.

Старший электрик Валерий Носырев — режиссер света.

Со своего пульта управления внимательно следит за ходом спектакля помощник режиссера Зина Родионова.